

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Общее значение слова литература

<...> Под *литературою*, в точном и определенном значении этого слова, должно разуметь *сознание народа, исторически* выразившееся в словесных произведениях его ума и фантазии, — а так как сознание есть высшее проявление жизни народа, то литература необходимо должна быть его общим достоянием, чем-то таким, что до всех равно касается, всех равно интересуется, всем равно доступно. Словом: литература должна быть в отношении к народу вместе и сценою, и спектаклем, который на ней разыгрывается, а народ в отношении к литературе должен быть публикою, которая не сводит глаз со сцены, созерцая представляемое на ней зрелище.

<...> Каждый народ живет своею жизнью, а как жить не значит только родиться, есть, пить и умирать, но и мыслить, знать, — то, следовательно, каждый народ живет и своим сознанием, которое есть не что иное, как одна из многих сторон сознающего себя общечеловеческого духа. Особенность сознания, принадлежащего одному народу и отличающего его от всех других народов, состоит в его мирозерцании, в том инстинктивном внутреннем взгляде на мир, с которым он, так сказать, рождается, как с непосредственным и только одному ему присущим откровением истины и который есть его самодвижительная сила, жизнь и значение. Мирозерцание народа — это та умственная призма, с одним или несколькими первосущными цветами радуги, сквозь которую он созерцает тайну бытия всего сущего. Народ есть идеальная личность, у которой, подобно каждому отдельному человеку, своя особенная натура, свой темперамент, свой характер, словом, своя *субстанция* (слово, которого значение далеко не вполне может быть выражено словом *сущность*). Почему у того или другого народа именно такая, а не этакая субстанция, — этого так же невозможно объяснить, как и того, почему один человек рождается с способностью

к живописи, а не к музыке, другой — к математике, а не к военному искусству, и т. д. Правда, на образование субстанции народа имеют большее или меньшее влияние географические, климатические и исторические обстоятельства; но тем не менее очевидно, что первая и главная причина субстанции всякого народа, как и всякого человека, есть физиологическая, составляющая непроницаемую тайну непосредственно творящей природы. Субстанция, в свою очередь, есть прямой и непосредственный источник мирозерцания народа. Из мирозерцания народа возникает животворная идея; развитие этой идеи в живой практической деятельности составляет историческую жизнь народа. Движительным развитием этой идеи народ живет; ею он и силен, и крепок, и могущ, так что, когда эта идея совершит полный круг своего развития, — животворный источник народной жизни иссякает, народ теряет свою энергию и начинает существовать только внешним образом, пока какой-нибудь внешний же толчок не прекратит его призрачного существования. Так кончилось существование Греции и Рима, когда первая изжила всю свою религиозно-мифическую и эстетически-гражданственную жизнь, а второй утратил энтузиазм республиканской доблести. Мирозерцание, а следовательно, и субстанциальная идея народа проявляется в его религии, в его гражданственности, в его искусстве и знании. Уловить мирозерцание какого бы то ни было народа в краткое и удовлетворительное определение чрезвычайно трудно; довольно указать на его присутствие в многообразных проявлениях народного сознания. <...>

На позорище нового мира три нации представляют в своем лице современное нам человечество — Франция, Германия и Англия. <...> Впрочем, всемирно-историческое значение литературы есть только высшая степень ее достоинства, но не есть необходимая принадлежность. Могут быть литературы и без всемирно-исторического значения, но органически развившиеся и имеющие свою историю. Только важность подобной литературы гораздо значительнее для того народа, которому она принадлежит, нежели для других народов. Всемирно-историческое значение литературы дает ей интерес общий, делает ее известною всем народам; тогда как круг влияния и очевидность важности литературы, не имеющей всемирно-исторического значения, ограничивается пределами выражаемой его национальности. <...>

Но чтобы литература и для своего народа была выражением его сознания, его интеллектуальной жизни, — необходимо, чтобы она была в тесной связи с его историей и могла служить объяснением ей, необходимо, чтобы она развилась органически и имела свою историю. Без этих условий, каково бы ни было количество книг на языке того или другого народа, — оно доказывает только то, что у этого народа

существует книгопечатание и процветают типографии; но совсем не то, чтобы у него была литература. Больше или меньшее число писателей, даже с замечательными дарованиями, также доказывает только то, что у народа есть люди, которые нашли свои причины и побуждения составлять и издавать в свет книги; но опять-таки совсем не то, чтобы у него была литература. Еще менее может служить доказательством существования литературы книжная торговля: она доказывает только существование в народе более или менее значительного числа грамотных людей, которым надобно же что-нибудь читать, хотя от скуки и для рассеяния, или по незнанию иностранных языков, или по особенной симпатии ко всему родному, отечественному. Подобными чисто внешними доводами нельзя доказать существования литературы у того или у другого народа. Правда, без книг, без писателей и без читателей невозможна никакая литература, как невозможен театр без сцены, без репертуара, без актеров и публики; но только одни книги, писатели и читатели еще не составляют собою литературы: ее производит дух народа, выражающийся в его истории, и потому литературу может иметь народ, существующий не эмпирически только, но и нравственно, духовно развивающий свою жизнь какую-нибудь сторону общечеловеческого духа, словом, народ, который существует по праву, необходимо, а не случайно.

Было время, когда мы, русские, имели огромную литературу, которая не только не уступала ни одной из известных литератур древнего и нового мира, но и далеко превосходила и каждую из них порознь и все вместе. Тредиаковский «полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу»¹. Ломоносов был «Малерб наших стран и Пиндару подобен...»². <...> Державин — северный Пиндар, Гораций и Анакреон, далеко превзошедший южных — Пиндара, Горация и Анакреона. Богданович в своей «Душеньке»³ победил Лафонтена. Но мы бы долго не кончили, если бы стали исчислять всех русских поэтов и писателей, которые превзошли и победили поэтов и писателей всего мира. Так детски тешили свое самолюбие неразвившийся вкус и неопытная критика. Подобное направление общественного мнения в пользу русской литературы, впрочем, было более полезно, нежели вредно, потому что это невинное самообольщение рождало в пишущих людях охоту к литературным трудам, а в публике — охоту читать их литературные труды. В свое время это самообольщение начало проходить, потому что стали являться вольнодумцы, которые вооружились против незаслуженных и преувеличенных авторитетов. В своем месте мы покажем заслуги этих смельчаков. Но решительная потребность сознания значения и важности русской литературы, истинной оценки заслуг русских писателей обнаружилась не более как лет десять назад тому. Вдруг, к изумлению

одних, к оскорблению других, раздался смело предложенный вопрос: «Есть ли русская литература? существует ли русская литература?» Разумеется, тот, кто первый предложил этот вопрос, тогда же решил его отрицательно, невольно увлекшись сомнением, которое им первым было высказано⁴. И хотя отрицательное решение этого вопроса было ошибочно, однако оно принесло большую пользу, возбудивши споры *за* и *против* и заставивши всех не шутя подумать о том, о чем они так утвердительно говорили по привычке, и беспристрастнее рассмотреть слишком восторженно признанные заслуги писателей. Результатом этих споров и исследований было сознательное признание существования русской литературы, но только в ее действительных размерах, в ее действительной важности. Но доселе такое признание существовало только как журнальное мнение, отрывочно и по временам высказывавшееся по разным случайным поводам и более или менее отзывавшееся в публике; но еще не было предметом отдельного сочинения, в котором идеи были бы оправданы исторически-критическим изложением фактов литературы, а в фактах была бы прослежена оживляющая их идея. Вот задача, решение которой составляет содержание книги, которая, под именем «Критической истории русской литературы», предлагается теперь благосклонному вниманию читателя.

Несмотря на подражательность и ее неизбежный результат — риторизм русской литературы, от Ломоносова до Пушкина; несмотря на то, что и от Пушкина до настоящей минуты содержание русской литературы довольно скудно и большею частью состоит из идей, возникших и развившихся не на туземной почве; несмотря на то, что сумма произведений русской литературы, ознаменованных печатью сильного самобытного таланта и блистающих не относительными, а безусловными достоинствами, очень не велика; несмотря на то, что масса читающей русской публики ничтожна в сравнении с массой нечитающей публики, что даже эта небольшая читающая публика разделяется и подразделяется на множество различных и дробных сторон, почти ничем не связанных одна с другою, и что самая высшая литературная публика у нас до сих пор состоит преимущественно из самих же литераторов, которые, в свою очередь, несмотря на их малочисленность, тоже разделяются на множество почти ничем не связанных между собою котерий, — несмотря на все это, существование русской литературы есть факт, неподверженный никакому сомнению. Но действительность этого факта очевидна только тогда, когда на русскую литературу будут смотреть как на мир, хотя небольшой, но существующий по своим собственным законам и развивающийся своим собственным путем. Оттого и могло родиться сомнение в существовании русской литературы, что на нее хотели смотреть, как, например, на древнегреческую

и латинскую и новейшую французскую литературы, сравнивали ее с ними, требовали от нее непременно тех же явлений, какими были ознаменованы эти литературы; и потому наших поэтов называли русскими Гомерами, Вергилиями, Пиндарами, Горациями, Анакреонами, Федрами, Лафонтенами, Расинами, потом — Шиллерами, Байронами и т. п. Начало и развитие русской литературы — совершенно особенное, не имеющее себе примера ни в одной литературе мира, так же как и развитие русского народа. И вот здесь-то является, во всей своей очевидности, та истина, что литература есть выражение жизни своего народа и что история литературы тесно слита с историей народа. Всемирно-исторического значения русская литература никогда не имела и теперь иметь не может. Российская империя, созданная Петром Великим, имеет теперь всемирно-историческое значение в политическом смысле, занимая почетное место между первостепенными державами Европы и оказывая могущественное влияние на весь политический мир. Но Россия, но народ русский находятся еще <в> одном из первых моментов процесса своего только что начинающегося развития; они не успели еще установиться и определиться, вырасти до самих себя — и потому не могут претендовать на умственное всемирно-историческое значение в современном человечестве. Что России готовится великое будущее, что русское племя носит в себе плодотворное зерно субстанциальной жизни, которое некогда должно развиться в величественное, широколиственное дерево, — такое предположение и теперь не чуждо достоверности; но в чем будет состоять это великое будущее, какое мирозерцание разовьется из субстанции русского народа, даже в чем именно состоит субстанция его духовной природы, — этого теперь определить нельзя, а фантазировать об этом и бесплодно, и нелепо.

Русский народ в этом отношении похож на гениального ребенка: его физиономия уже значительна и обещает много в будущем, но детским чертам его лица еще недостает определительности и по ним еще нельзя сказать, по какой дороге и как именно пойдет это гениальное дитя, когда сделается взрослым человеком. И потому нам должно пока отказаться от всяких притязаний сравнивать и равнять русскую литературу с французскою, немецкою и английскою, — хотя в то же время нельзя сказать, чтобы мы вовсе лишены были права сравнивать, равнять (и даже иногда ставить выше) иные отдельные произведения нашей литературы тоже с отдельными произведениями других литератур; но в отношении чисто художественном, а не философски-историческом. Наша литература исполнена большого интереса, но только для нас, русских, потому что в ней выразилось наше собственное развитие, общественное и человеческое. Другими словами: наша литература

имеет для нас великое значение не в одном эстетическом, но еще более в историческом значении.

Русская литература тем отличается от всех других литератур, что она не возникла самобытно и непосредственно из почвы народной жизни, но была результатом крутой общественной реформы, плодом искусственной пересадки. И потому она сперва была подражательною и риторическою, бедною содержанием, скудною жизнью. Если бы она навсегда осталась такою, она была бы не литературою, а книжничеством и не заслуживала бы никакого внимания. Но в отношении к нашей литературе, может быть больше, нежели во всяком другом отношении, и обнаружилась вся плодovitость и жизненность искусственной реформы Петра Великого. Чтоб убедиться в этом, стоит только сравнить поэта Ломоносова с поэтом Пушкиным, сатирика Фонвизина с юмористическим поэтом Гоголем: какая бесконечная разница! Кажется, между этими людьми легли целые века, тогда как их едва разделяет одно столетие! И это развитие подражательной и риторической, школьной и книжной поэзии в самобытную и художественную, живую и доступную обществу совершилось постепенно, органически. Державин уже более поэт, нежели Ломоносов; Озеров более поэт, нежели Сумароков и Княжнин; за баснописцами даровитыми, но подражательными — Хемницером и Дмитриевым, является гениальный и народный баснописец Крылов; Карамзин, преобразовав ломоносовскую прозу, приближает ее к естественной русской речи и прививает к русской литературе элементы изящного французского публицизма, а Дмитриев роднит русскую поэзию с духом и манерою изящной светской поэзии французов, и оба они далеко опережают своих предшественников в легкости языка и даже в поэтическом выражении стиха; Жуковский прививает к русской поэзии романтические элементы германской и английской поэзии; Батюшков вносит в русскую поэзию элементы пластически-художественного созерцания жизни и ее выражения в духе древнеклассической поэзии, — и оба они далеко опережают Карамзина и Дмитриева в фактуре стиха, не говоря уже о поэзии выражения. За ними, наконец, является Пушкин, поэт и художник по преимуществу, окончательно преобразовывает язык русской поэзии, возведя его на высочайшую степень художественности, — и с ним первым является в русской литературе искусство как искусство, поэзия — как художественное творчество. В Пушкине вся предшествовавшая ему изящная литература русская; прежде чем он стал самобытным и национальным поэтом-мастером, он был поклонником и учеником предшествовавших ему поэтов, и все сделанное ими усвоил в свою собственность, явивши красоты и достоинства, которых они не являли, и не повторивши их недостатков. И потому есть

живая, органическая связь между Ломоносовым и Пушкиным, как между причиною и ее следствием. И вот эта-то живая, органическая последовательность развития русской литературы и дает ей столько же права называться «литературою», сколько и те яркие, даже великие, хотя и немногие, таланты, которыми она по справедливости может гордиться, и больше всего удостоверяет в ее существенном достоинстве в настоящее время и в ее способности приобрести некогда всемирно-историческое значение. Прежде русская литература подражала букве иностранной, учась словесному выражению; после она стала усваивать себе элементы различных национальностей Европы, и это усвоение, долженствующее обогатить и сделать ее многостороннею, еще и теперь продолжается и еще будет продолжаться. К особенным свойствам русского народа принадлежит его способность, проистекающая из его положения к Европе, усваивать себе все чуждое, ничем не увлекаясь, ничему не покоряясь исключительно. Только в недавнее время началось сближение между собою французской и германской национальностей, но и теперь еще так трудно для француза понять немца, а для немца — понять француза. Русский легко понимает обоих их и легко понимает, отчего так трудно им понять друг друга, но сам от этого не делается ни французом, ни немцем. Короче: русский человек еще не живет, а только запасается средствами на жизнь, беря их везде и всюду, где ни встретит, — и видно, богата должна быть жизнь его в будущем, если для нее ему нужен такой огромный запас! <...>

Написать историю русской литературы значит: показать, каким образом, как следствие общественной реформы, произведенной Петром Великим, началась она рабским подражанием иностранным образцам, принявши чисто риторический характер; как потом, постепенно, стремилась к освобождению из формальности и риторизма и приобретению для себя жизненных элементов и самостоятельности; и как, наконец, развилась до полной художественности и сделалась выражением жизни своего общества, стала русскою. Вместе с этим должно показать, что русская литература положила у нас основание публичности и общественного мнения, была проводником в общество всех человеческих идей и постоянно, не без успеха, боролась с предрассудками и пороками, завещанными нам невежественною, полуазиатскою стариною. <...>

